

ДРОЗДОВА
Эмилия Михайловна,
кандидат философских наук,
с 1984 по 1992 гг. –
доцент кафедры истории и
философии Белгородского СХИ
(учебно-научного центра
по сельскому хозяйству).
Ветеран университета

МУСЕНЬКА – А!

В начале 1942 года мы голодали. Перед войной, в 1937 году, у нас сгорел дом со всем имуществом и надворными постройками. Деда арестовали как врага народа, и после первых допросов он умер в тюрьме. Отец испугался, что арестуют и его, и уехал в город на работу, а скорее для того, чтобы затеряться там, в массе людей. С началом войны он ушел на фронт, мама осталась со мной и моим братом Юрой в селе, затерявшемся среди лесов и оврагов. Мне было девять, а моему брату одиннадцать лет, и мы постоянно хотели есть, но понимали, что идет война, просить у мамы нечего, надо довольствоваться тремя картофелинами в день и кусочком хлеба.

Жили мы в казенной квартире, принадлежащей школе. В ней была кухня с большой русской печью и комната, перегороденная надвое. В одной половине спала и работала за столом мама, в другой находились мы с братом.

Однажды, в феврале, к нам пришел знакомый дед из соседней деревни. Он сел на стул, скрутил козью ножку, долго раскуривал ее, выдыхая клубы махорочного дыма, и говорил с мамой о войне, о голоде, о похоронках. А у ног его был мешок, который шевелился, в нем было что-то живое. Наконец, дед нагнулся, развязал мешок и вытряхнул из него чудо.

Этим чудом был маленький козленок. Он встал на ножки качаясь и внимательно посмотрел на меня. Козленок был черный, только лоб и хвост у него были белые. Я невольно потянулась к нему и прижала к себе. Он был теплый и очень мягкий. Доверчиво прильнув ко мне всем своим тельцем, он трогал меня

мягкими губами.

Вы голодаете, - сказал дед, - но должны вырастить эту козочку, и она будет кормить вас.

Ну, Миля, это теперь твоя забота, бери и расти, - сказала мама.

А я уже обнимала ее обеими руками и чувствовала к ней нежность.

Я назвала козочку Мусей. Вечером мне дали печеную картошку, я разломила ее пополам, половину отдала Мусе, потом напилась с ней ключевой воды из одного ковшика. Я постелила рваное одеяло на пол, и мы с Мусей улеглись на него спать. Спали мы обнявшись. Моя голова лежала на боку у Муси, я обхватила ее рукой, а она, выгнув шею, положила голову мне на плечо. Спали мы крепко и не мешали друг другу.

Так и стали жить вместе с Мусей. Я делила всю свою скудную пищу пополам. Муся еще подбирала в старом школьном саду какие-то опавшие листья, грызла веточки. Ходили мы всюду вместе. Муся шла рядом со мной, иногда, когда мы бежали, она обгоняла меня, выскакивала вперед и радостно прыгала на задних ножках, весело крича: «Ме-е-е».

А когда пришла весна и на буграх появились первые проталины, мы бежали на горку. Я снимала свои лапти и бегала по нагретой земле босиком, а Муся щипала едва пробивающуюся травку. Она выросла и становилась очень красивой. У нее появились рожки, между ними была белая звездочка, глаза стали коричневыми, большими, а шерстка вся блестела, я ее чистила, расчесывала.

Когда Муся убежала далеко, я звала ее: «Му-сенька-а!». Она неизменно отвечала «ме-е-е» и со всех ног бежала ко мне. Подбежав, она радовалась, скакала вокруг меня, я тоже прыгала. Это был наш танец двух понимающих и любящих сердец.

Когда на деревьях появились листья, мама сказала: «Миля, ты должна заготовить за лето Мусе корм. Зима длинная, корма надо много, заготовливай в лесу веники, носи их домой, суши во дворе и складывай в сарай». Утром мы с Мусей пошли в лес. В лесу я резала ветки, связывала их в веники, а Муся ела какие-то травинки, листочки кустиков, далеко от меня не уходила, а если удалялась так, что не видела меня, кричала, и я тотчас же отзывалась: «Мусенька-а». «Ме-е-е», - радостно отзывалась она и выбегала откуда-то из-за кустов.

Связав веники по паре, я обвешивала ими Мусю от рогов до хвоста, и мы выходили из леса. Впереди, вся в вениках, шла Муся. Она несла свой груз гордо и бережно, не сворачивала в сторону, не щипала траву, только изредка поворачивала голову, следила, иду ли я сзади. Когда мы приходили, я снимала с Муси веники, развешивала их сушить. Так за лето мы с Мусей заготовили ей корм на всю долгую зиму.

Однажды я слышала, как мама сказала своей коллеге: «Как появилась Муся, девочка не спит на постели. Спят с козой, прижавшись друг к другу, разговаривает с ней, совсем ребенок одичает». «Коза уже большая, - ответила учительница ее в стадо. Она вам козлят принесет, молоко у вас будет, да и Миля отвыкнет от нее».

Так и пришлось отдать Мусю в стадо. Стадо пас Сергей и его сын - подросток Сенька. С Сенькой и его сестренкой Зойкой у меня давно была большая дружба. Сенька знал все птичьи гнезда, показывал их нам, но не разрешал «зорить». Еще он умел подражать голосам птиц и зверей, хорошо играл на гармошке и пел песни. Пастухов кормили по очереди владельцы коров. Каждый день мы с Зойкой брали в каком-нибудь доме нехитрый обед и относили его пастухам. Как я ждала этого момента!

Вот стадо пасется в дальнем широком овраге у леса. Мы с узелком появляемся из-за бугра, я кричу: «Мусень-ка-а!». От стада отделяется Муся и несется ко мне. Еще вдали она начинает прыгать, около меня скачет на задних ногах, громко «разговаривает», я обнимаю ее, и мы обе убегаем в свои любимые места, на полянки, где много вкусной травы. Муся пасется, весело щиплет травку и, оглядываясь, что-то говорит мне на своем языке.

Сенька сказал однажды: «Ваша коза гуляла с козликком, у нее зимой будут козлята». Я загрустила: она будет любить своих козлят и забудет меня. Но Муся была все та же. Она заметно стала раздаваться вширь. Это не портило ее. Грациозная, мягкая, с замечательными рогами, с блестящей шерстью, она была красивее всех коз.

Когда мы с Мусей ходили пастись, иногда на нас нападали собаки. Они отчаянно лаяли и пытались укусить. Муся неизменно защищала меня. Наклонив голову с крепкими рогами, маленькая Муся шла навстречу собакам, и они не выдерживали, отступали. Муся радовалась, подбегала ко мне, успокаивающе мекая.

Зимой у Муси родились два козлика. Некоторое время она была занята ими, вылизывала, кормила. Они стали быстро расти, прыгали по бревнышкам. Ко мне они, занятые собой и друг другом, не проявляли никакого интереса. Муся же совсем не изменила отношения, также мне радовалась, так же мы были неразлучны. Козлят мама сменяла на муку. Мне стали давать хлеб без лебеды, не горький. Половину я отдавала Мусе. Она брала его мягкими губами, ела неторопливо, нежадно. Я стала ее доить. Молоко у Муси было густое, вкусное. Мы все стали заметно поправляться, «свежесть», как сказала мама.

Однажды я сильно заболела. Лекарств во время войны не было. Меня положили на теплую русскую печь. Она качалась подо мною и куда-то плыла. Раз меня тихонько тронула рукой мама и сказала: «Миля, ты лежишь уже три дня. Твоя Муся не дается доить, никого к себе не подпускает, а вымя у нее раздулось, горячее, она может заболеть. Я сниму тебя с печки, посажу в кухне на лавочку, мы приведем сюда Мусю, и ты ее подоишь». Я села на лавочку, привалилась к печке. Ввели Мусю. Увидев меня, она подскочила ко мне, и стала лизать мне голову, глаза, щеки, при этом она что-то ласково приговаривала. Потом Муся стала около меня, расставила широко ноги, изогнула шею, коснулась мордочкой моего плеча. Я потянула ее за соски, сил было мало, и я дергала соски вместе с шерсткой. А Муся спускала молоко и поощрительно говорила «ме-е-е». Я понимала, она разрешала мне: «Ничего, что дергаешь, я потерплю». Я выдоила все молоко. Мусю взяли за рога, толкали сзади три человека, чтобы

вывести из кухни. Но она так уперлась всеми четырьмя ногами в пол, что вывести ее удалось с трудом. После я выпила молока и уснула, к утру у меня спала температура, и я сразу пошла к Мусе.

Во время войны охотников не было, и в лесу развелось много волков. Однажды пастухи пасли стадо около леса и не заметили, как часть его углубилась в лес. Искали до ночи, но не нашли. Потерялось много коров, овец и коз. Среди них была и Муся. Ко мне пришли перепуганные, встревоженные женщины: «Миля, - сказали они, - наш скот - наша жизнь. Надо найти их, иначе волки всех перережут. Пойдем с нами, мы тебя посадим на высокое дерево, ты покричишь свою козу, она отзовется и всех выведет». Так и сделали. Когда я с дерева закричала: «Мусенька-а!», в глубине леса раздалось: «Ме-е-е», Муся вышла ко мне, а вслед за ней все стадо.

В селе мы стали самыми популярными. Вечером женщины выходили встречать своих животных, они совали мне в руку кусочки хлеба и картошку для Муси. Стадо приближалось, впереди всех бежала Муся. От ее молочка я стала крепкой, румяной и быстро бегала с ней наперегонки.

Я так скучала по Мусе, когда ее не было рядом, что не всегда отдавала ее в стадо. Тогда мы вместе шли в школу. Пока я была в классе, четыре или пять часов, Муся стояла под окном. Заканчивались уроки, я первой выскакивала из школы, и мы с Мусей убегали на поляну. Ей нравилось обгонять меня и торжественно прыгать тогда передо мной на задних ногах. «Ты уже большая, Муся, а шалишь, как маленькая», - говорила я ей. Но учительница пожаловалась маме, что коза все стоит под окнами, и, услышав, как я отвечаю у доски, встает на задние ноги, смотрит в окно и громко кричит: «Ме-е-е». Весь класс смеется, урок срывается. Пришлось снова отдавать ее в стадо.

Заканчивалась война... В 1945 году в начале мая я была в школе, а Муся в стаде. Вдруг в дверь класса постучали и сказали: «Можно Милю?». Передо мной стоял встревоженный учитель. Он сказал: «Миля, ты только не плачь, твою козу разорвали волки». Я бежала к стаду, плача навзрыд, бежала и падала. У леса на траве чернела горка, а под ней лужа крови. Это была моя Муся. Растерянный пастух рассказал, что стадо паслось у леса. Из него вдруг выскочили волки. Все животные бросились прочь, одна Муся, пригнув голову, смело пошла навстречу волкам, и они ее разорвали.

- Она думала, что это собаки, - тихо сказала я.

Мусю привезли домой. Мама сказала, что пастух прирезал ее, мясо можно есть. «Нет, мама, - сказала я, - Мусю есть я не буду, лучше умру».

Много лет прошло с тех пор. Я стала взрослой, состарилась. Но всю жизнь, как увижу коз, вспоминаю Мусю. Иногда выйду на улицу, увижу пасущихся на горе коз, и мне кажется: стоит закричать: «Мусенька-а!», и где-нибудь вдалеке зазвучит звонкое: «Ме-е-е!».

(Дроздова Э. Мусенька – А! Белгородские известия. 2005. 1 ноября)